

тельных актах. Существенным пробелом правового регулирования организации и деятельности ЕАЭС является отсутствие специализированного подразделения (департамента) в структуре Коллегии ЕЭК. Возможно, первым шагом в учреждении специализированной структуры в аппарате Коллегии могло бы стать создание центра экологического мониторинга.

Библиографические ссылки

1. Марченко, М. Н. Проблемы общей теории государства и права : учебник : в 2 т. / М. Н. Марченко – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби, Проспект, 2007. – Т. 1: Государство. – 752 с.

Малышева Н. Р.

ДОСТАТОЧЕН ЛИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЙ УРОВЕНЬ ИНТЕГРАЦИИ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ХХІ ВЕКА?

*Институт государства и права имени В. М. Корецкого
Национальной академии наук Украины, г. Киев*

Экологическая сфера как никакая другая зависима от межгосударственной интеграции, поскольку экологические проблемы «не признают» государственных границ. Они распространяются независимо от общественного устройства, характера взаимоотношений пограничных государств, национальной принадлежности виновных в их наступлении субъектов и многих других факторов. Именно с этим связана жизненная потребность в наиболее тесной интеграции государств в экологической сфере.

Известны основные правовые формы, в которых проявляется интеграционное взаимодействие государств. Это прежде всего развитие международного права окружающей среды – одной из самых молодых, но наиболее бурно развивающихся отраслей международного публичного права. Это также формирование, укрепление и активизация функционирования на глобальном и региональном уровнях интеграционных объединений, отражающих процессы глобализации экологических проблем и перспектив их решения. Потребность в интеграции находит свое выражение также в гармонизации национального экологического законодательства, создании условий для распространения лучшего из доступных опыта регулирования экологических отношений. Каждая из трех названных форм межгосударственной интеграции в экологической сфере в современный период интенсивно развивается, подчиняясь своим тенденциям [1, с. 12–20].

Одновременно все эти формы прямо вовлекают в интеграционное взаимодействие лишь государства и международные межгосударственные организации, т. е. традиционных субъектов международного права. При этом общество остается в значительной степени инертным по отношению к предметной сфере интеграции, возлагая на государства и их структуры осуществление определенной государственной экологической политики.

Процессы глобализации, сопутствующие развитию человеческой цивилизации в XXI в., а также обострение общепланетарных экологических проблем (глобального потепления, опустынивания, загрязнения Мирового океана, утраты биоразнообразия и проч.) выдвинули на повестку дня вопрос необходимости сенсibilизации к проблемам охраны окружающей среды всех слоев населения, всех секторов современного общества, всех уровней управления, бизнеса, науки, культуры, наконец – каждого отдельного гражданина. Такая потребность, в частности, находит все более широкую реализацию через различного рода международные, региональные и национальные акции и инициативы, которым придается официальный характер. Это, например, учреждение специальных международных дней: «земли», «окружающей среды», «водных объектов», «заповедных территорий» и проч.; объявление определенных месячников: в частности, месячника экономии энергоресурсов, воды; выделение специальных экологических зон и др. И хотя реальный экономический эффект от реализации таких инициатив и невелик, в долгосрочной перспективе это очень важные начинания, призванные воспитывать людей, направлять их сознание на определенный тип действий, особенно в альтернативных ситуациях.

В этом же контексте нельзя обойти молчанием разработку и принятие в последние годы ряда актов международного «мягкого» права. Эти акты также имеют целью повышение уровня сознания представителей гражданского общества и его ориентацию на решение экологических проблем.

Причем можно говорить о последовательной содержательной динамике соответствующих актов. Так, первый документ этой группы – Стокгольмская Декларация по проблемам окружающей человека среды, принятая первой Конференцией ООН по проблемам окружающей среды 16 июня 1972 г., содержала 26 принципов отношений общества с окружающей средой. При этом соответствующие принципы вырабатывались в условиях противостояния и компромисса двух групп государств, на тот момент сильно разнящихся по уровню восприятия экологических проблем. С тех пор резолюциями ООН и ее учреждений было принято около десятка различных актов «мягкого» права, развивающих и допол-

няющих принципы Стокгольмской Декларации, в частности, усиливая акцент на решении экологических проблем не изолированно, а в контексте обеспечения устойчивого развития.

Наконец, качественно новый этап в осознании рассматриваемых проблем ознаменовался разработкой и принятием 13 ноября 2017 г. 39-й сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО в Париже Декларации этических принципов в отношении изменения климата (далее – Декларация). Следует отметить, что этому предшествовало принятие ряда международно-правовых документов по климатическим вопросам, в первую очередь Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г., Киотского протокола к ней 1997 г. и Парижского соглашения 2015 г. Кроме того, на международном, а также на национальных уровнях было разработано большое количество промежуточных и обеспечительных правовых документов, направленных на активизацию усилий по снижению темпов изменения климата планеты и адаптацию человечества к соответствующим изменениям. В то же время все эти правовые акты обращены либо к государствам (если речь идет об актах международного права), или к государственным органам (национальные правовые документы). Все они слишком технократичны, хотя как финансово-экономические инструменты являются своевременными и назревшими.

В чем же принципиальное отличие и новизна Декларации по сравнению с названными международно-правовыми документами, а также с ранее принятыми актами «мягкого» права в области охраны окружающей среды?

Если попытаться ответить схематично, я бы выделила два аспекта соответствующих отличий: 1) органическое соединение правовых принципов, выработанных предыдущими документами этого ряда, с морально-этическими, т. е. максимальное сближение двух важнейших регуляторов общественных отношений: правового и морально-этического; 2) непосредственное обращение международного акта (хотя и относящегося к «мягкому» праву) к значительно более широкой субъектной базе, не ограничивающейся традиционными субъектами международного публичного права; это практически все человечество, представители всех слоев и секторов современного глобализированного мира, а именно – отдельные лица, группы населения, местные и территориальные органы власти, научные и другие сообщества, общины коренных народов, международные организации, учреждения системы ООН, государственные и частные структуры во всех секторах общества (п. 3 ст. 1 Декларации). А пункт 2 ст. 1 содержит уточнения по уровням распространения сформулированных этических принципов: международный, региональный, национальный, субрегиональный и местный.

С чем связана подобная метаморфоза в подходах? Будет ли соответствующая тенденция развиваться далее, или речь идет о разовой международно-правовой «акции»?

Я уверена, что тенденция выхода международно-правового регулирования экологических и связанных с ними отношений за рамки традиционных ограничителей является велением времени. Сегодня без пересмотра базовых принципов принятия решений и осуществления деятельности, причем не только на государственном, управленческом или хозяйственном уровне, но и на уровне бытовых взаимосвязей, решить экологические проблемы не удастся.

Иными словами, лозунг перехода от интеграции, построенной исключительно на межгосударственной основе, к глобальной общечеловеческой кооперации на базе органического соединения правовых норм и этических принципов может сформировать рамки дружественного с природой сосуществования человеческой цивилизации в XXI в.

Библиографические ссылки

1. Малышева, Н. Р. Состояние и основные тенденции развития международного права окружающей среды / Н. Р. Малышева // Міжнародне право навколишнього середовища: стан та перспективи розвитку : матеріали Міжнарод. наук.-практ. конф., 23–24 вересня 2010 г. – К. : ТОВ «Видавництво географічної літератури «Обрії», 2010. – С. 8–11.

Сафин З. Ф.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Россия, Республика Татарстан*

Статьей 18 Договора между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о создании Союзного государства (г. Москва 8 декабря 1999 г.) [1] гармонизация и унификация законодательства государств-участников отнесена к совместному ведению Союзного государства и государств-участников. Не является исключением и правовое регулирование земельных и земельно-имущественных отношений. В обеспечении единообразия земельного законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь определенное влияние оказывают международные правовые акты.

Оба государства ведут работу, направленную на развитие и укрепление взаимовыгодного и равноправного сотрудничества, в сфере охраны и рационального использования земельных ресурсов. Так, в Соглашении